

Д.Н.МАМИН
СИБИРЯК



Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Глупая Окся
Серия «Сибирские рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=324092

Аннотация

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости» (1889). «Глупая Окся» – эскиз, включенный затем в переработанном виде в роман «Золото» (1892).

Содержание

I	4
II	9
III	16

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Глупая Окся *Эскиз*

I

Что Окся глупа, в этом все были убеждены. В Ельниках так ее-и звали: «глупая Окся»... Высокая и широкая в кости девка с рябым и скуластым лицом действительно существовала, кажется, исключительно одними растительными процессами, а умственная жизнь находилась в зачаточном состоянии. Впрочем, о последнем трудно было и судить, потому что Окся постоянно молчала. Если ее очень уж начинали дожимать бойкие промысловые парни, она схватывала палку или камень и защищалась, как обезьяна.

– Уродилось же дерево смолевое!.. – удивлялся отец Окси, промысловый «швец» Тарас Пиканников. – Ни к чему ее не применишь... Одно слово, не в людях человек.

Вся семья так и смогрела на Оксю, как на рабочую

скотину. Сила у ней действительно была лошадиная, точно несправедливая судьба хотела вознаградить ее хоть этим за большие пробелы по части красоты и ума. Работала Окся в своей семье за двоих и так же безответно, как работает лошадь; но ее работы никто не хотел замечать, точно это так и должно быть. В сущности, она везла весь дом и ни от кого еще не слыхивала доброго слова, а пьяный отец ее же колодил сапожными колодками. Пьян был Тарас без малого каждый день, как настоящий сапожник. Нельзя, работа тяжелая: с устатку все промысловые пировали. Его широкое лицо с чахлой бороденкой давно опухло от беспросыпного пьянства, маденькие черные глазки постоянно были налиты кровью, а нос выглядывал клюквой.

Проваленная избушка, в которой околачивалась Тарасова семья, стояла на самом краю селения. Она давно покосилась, и в единственном окне половина стекла заменялась синей «сахарной» бумагой. Издали эта избушка так и походила на человека с подбитым глазом. Около избы ни загородки, ни конюшни, ни амбарушка, ни навеса – хоть шаром покати. Лес был рукой подать, и Тарас рассуждал так, что выстроиться всегда успеет; поэтому же он никогда и дров не запасал. Отправится Окся в лес, приволокет на себе су-

харину¹ да и долбит ее, — сколько нужно, столько и отрубит. Внутри избышка походила на плохую кузницу или конюшню. Закопченный потолок, дымившая печь из битой глины, горбатый пол из коекак обтесанных плах, две лавки, полати — и все обзаведение тут. По зимам в одной этой избе проживало целых пять душ: сам Тарас со своей старухой Акулиной, его сын Вахрушка с женой и Окся.

— Все-таки свой угол, — утешался Тарас. — Захочу — и новую избу поставлю: лес-от вон он стоит. Получше нас добрые люди в землянках живут, а мы еще слава богу...

Вахрушка по своей беспечности и характеру напоминал отца. Зиму он работал дома, а с первой вешней водой бросал все и уходил на промыслы вместе с женой. На заморозках к осени он возвращался под отчий кров и обыкновенно ничего не приносил с собой. Что зарабатывалось, то и пропивалось; но Тарас гордился своим единственным сыном. Как же, всетаки съш, работник в дому, а не то, что девка! Окся тоже все лето работала на промыслах, и Тарас забирал деньги вперед под ее работу. Она и возвращалась с промыслов с деньгами, и Тарас опять отбирал у нее все, чтобы пропить с Вахрушкой. На что деньги глупой

¹ Сухарина — засохшее на корню дерево. (Прим. Д. Н. Мамина-Сибиряка.)

девке? Чтобы дело было вернее и Окся не утаила бы какого гроша, Тарас просто отдавал ее в аренду.

– Лошадь, а не девка, – нахваливал он дочь в кабаке своим нанимателям. – Сколько «хошь сробит, потому безответная... Как упрется, так даже глядеть на нее страшно. Говорю: дерево смолевое.

Своя „швальная часть“ у Тараса по зимам шла полным ходом. По приисковому делу разный „обуй“ составлял главную статью расхода: без обуток нельзя, а в воде да и в грязи кожа точно горела. Когда Тарас был помоложе, он на промыслах занимал должность шорника, но потом женился, начал пить и поэтому исключительно занялся своим делом. Все мастерство – дома: сноха тачает голенища, Вахрушка обделывает закаблущья и подошвы, а Окся – все, что потруднее. Сам Тарас любил больше починку: положит заплатку, поправит „подборы“ к стоптанным козловым ботинкам какой-нибудь приисковой щеголихи – выпивка и готова. Более крупные заработки пропивались совместно с Вахрушкой, как главной подпорой и надеждой всей семьи.

Только раз безответная Окся взбунтовалась и потребовала себе козловые ботинки.

– Да на что тебе, дуре? – изумился Тарас. – Не к роже...

Но за Оксю вступилась мать, и ботинки были сши-

ты, то есть сшила их сама же Окся, работая по ночам.

– Пусть ее потешится, – уговаривала Акулина мужа. – Конечно, глупая: видит у других баб ботинки, вот и ей забрело в башку... Незамужница она у нас, так пусть хоть на ботинки на свои поглядит.

Тарас свеликодушничал, – разве с бабами сговоришь? Но ботинки Окси смущали его каждое утро, когда голова трещала с похмелья: рубль серебра задарма пропадает. Раза два Тарас пробовал стащить их у дочери, но та лезла на стену и не давала единственного своего сокровища. Эта история с ботинками, однако, кончилась для Окси очень скверно. В одно прекрасное утро передняя стена избышки оказалась вымазанной дегтем.

Оксю били сильно и долго. Тарас и Вахрушка соединились в общей ревности за попорченную фамильную честь. Избитая и покрытая синяками Окся молчала как убитая... В результате явился мертвый ребенок, и только тут Окся заговорила: как она плакала и убивалась над крошечным мертвым тельцем!.. Тут даже Тарас отступился и только развел руками.

– Вот дура-то... а? Ведь польстился же какой-то озорник на этокое дерево... Вот тебе и козловые ботинки! Другая бы радовалась, что господь прибрал младенца, а она ревмя-ревет, как корова.

II

Ельники – самые старинные золотые промыслы на Урале, и в крепостное время население было согнано сюда из разных местностей. Таким путем образовалось большое селение с типичным промысловым характером. Все постройки ставились как-то так, как строят на время: то крыша недокончена, то недостает по «планту» двух окон, то службы поставлены через, улицу и т. д. Даже церковь, и та не избегла общей участи. Каменное здание было начато очень широко, да так и осталось недостроенным. Впрочем, трудно и винить ельниковских мужиков за эти недочеты в стиле, потому что подземные шахты подходили под самое селение, отчего там и сям образовались провалы. В других местах прямо через улицу шли громадные свалки из пустой породы. В центре селения разливался небольшой пруд, а у плотины день и ночь гремела толчея.

Издали вид на Ельники все-таки был очень красив, благодаря обступившим жилью зеленым горам. Как на хорошей картине, получалось много света и воздуха, а синевшая даль уходила из глаз. Самый беспорядок построек придавал селению тот промысловый характер, когда людям некогда думать о комфорте, да и

неизвестно, сколько проживется. Пока золото идет – и селение стоит, а "изубожились" жилы – и все разбредется куда глаза глядят. Но, несмотря на это существование "пока", каждый год появлялось несколько новых изб и далеко желтели новые тесовые крыши. По таким желтьш пятнам построек можно было безошибочно определить, кому повезло счастье: кто находил "хорошее золото", тот и начинал строиться. Так как счастье не одинаково, то эти постройки останавливались на разных стадиях: у одного выстроена вся изба и службы, у другого – одни службы, а у третьего только поставлен забор.

Земля, на которой красовались Ельники, была казенная, но наделов крестьянам не полагалось. Нарезку земли тормозила из года в год громадная компания, арендовавшая всю казенную землю. Таким образом, ельниковцы или работали у компании, как поденщина, или брали на себя отрядные работы, то есть получали от компании крошечный лоскуток земли с условием сдавать все добытое золото компании по известной цене. Компания страшно эксплуатировала безземельное население и обставляла его труд невозможными условиями, особенно отрядные работы. Но каждый из рабочих мечтал именно о последнем, потому что только здесь представлялась единственная возможность поправиться и даже разбогатеть, конечно,

если кому господь пошлет счастье. Это была самая азартная игра – игра на труд. В результате получалось то, что дивиденды компании все росли, а население беднело и развращалось.

В одно прекрасное утро в кабаке целовальника Пятачка поднялся неистовый хохот кабацких завсегдатаев. Главным действующим лицом являлся Тарас Пиканников, который пришел в новом азыме и заявил, что пошабашил свою швальню и будет с семьей робить на отряд, как другие.

– Землю тачать кайлом хочешь, Тарас?..

– А уж это как господь покажет... Будет мне сапоги вам шить, подлецам.

– Он шилом, того гляди, наковыряет себе золота, братцы...

Настоящие приисковые рабочие всегда смотрели с презрением на таких новичков, которые берутся искать золото, а сами не умеют взять лопату в руки. Попадет такой новичок в забой или в ледяную воду, – и шабаш, с копыльев долой. Где уж таким белоручкам тягаться с приисковыми волками, одеревеневшими на каторжной промысловой работе? Поэтому заявление Тараса и вызвало неудержимый хохот: шваль, который целую жизнь, согнувшись в три погибели, ковырял шилом, вдруг пойдет на отрядную работу...

– Бить тебя некому, Тарас, – заявил и сам целоваль-

ник Пятачок, покачивая головой. – Погляди ты на себя, какой ты отрядный.

Но Тарас оказался хитрее, чем можно было предполагать. Он выбрал делянку уже с готовым золотом. Компания отдавала На отряд участка земли в Двадцать пять квадратных сажен, с условием, чтобы шахты не углублялись ниже десяти сажен. Опытом было уже установлено, что золотоносные жилы встречаются именно на этой глубине, и когда отрядные рабочие отыскивали жилу, компания ставила свои работы. Таким образом, самая дорогая и рискованная часть промыслового дела – разведки – производилась даром. Тарас взял заброшенную делянку, с готовой шахтой-дудкой, ^которая была оставлена, как пустая, на шестой сажени. Какой-то отрядный рабочий выбился из последних сил на половине работы и умер от натуги. Вахрушка, болтавшийся по промыслам, разведал как-то, что именно в этой делянке есть хорошие знаки, и, потихоньку ото всех, недели две ковырял в дудке, пока не напал на кварцевую жилу. Тогда только оставалось оформить дело, то есть взять делянку от компании со всеми канцелярскими церемониями.

В проваленную избушку Тараса Пиканникова заглянул настоящий золотой луч, ожививший разом все. На радостях Тарас прежде всего поставил в своей избушке громадные новые ворота и даже выкрасил их. По-

явился ведерный самовар, у снохи – кумачные платки на голове, у старухи Акулины – новенький ситцевый сарафан, у Вахрушки – плисовые шаровары, и только одна Окся, наученная горьким опытом, отказалась от всякой обновки.

– Совсем глупая девка! – решили соседи в окончательной форме.

Тарас Пиканников сделался героем промыслового дня. Любопытные приходили с другого конца селения, чтобы посмотреть новые ворота, а разная деревенская родня лезла прямо в избу. На радостях Тарас уже совсем развернулся и купил у цыгана лошадь, хотя ездить ему было некуда. Потом явился новый овчинный полушубок, мешок крупчатки, гармония у Вахрушки, а водка не сходила со стола. Проворный целовальник Пятачок до того вверился Тарасу, что отпускал водку четвертями прямо в долг.

– Эк, распыхался как Тарас! – завидовали все дурацкому счастью.

Более проникательные прибавляли:

– Ничего, скоро откантирует... Не велика жилка, а подойдет девятая сажень – и шабаш.

Но и здесь Тарас оказался хитрее других. Он не накинуся на свое золото, а добывал его сколько нужно. Отправится всей семьей к дудке, поработает до полуден – и кончено. Когда добытое золото проедалось,

опять выходили на работу.

– Оно вернее, когда в земле золото мое лежит, – объяснил Тарас.

Делянка Тараса от Ельников была верстах в двух, и любопытные нарочно ходили туда, чтобы посмотреть, как шваль добывает свое золото. Дудка – это круглая дыра аршина полтора в диаметре. Преимущество ее перед обыкновенной квадратной шахтой в том, что не нужно крепить стенок. Положим, что работать в такой дудке крайне опасно, и горный устав строго запрещает такие работы, но всякому закону по нужде бывает "пременение". В дудке работала, конечно, Окся, потому что это была самая трудная часть предприятия. Вахрушка управлялся наверху, "выхаживая" на воротке из дудки разную породу. Сноха на тачке отвозила пустую землю под горку.

– Да не дура ли эта Окся? – дивились еще раз все, заглядывая в дудку. – Задавит ее землей... Бабье ли это дело в забое робить?

Тарас обыкновенно приезжал к дудке верхом и, не слезая с лошади, распоряжался, как главнокомандующий.

– Нет, вы вот что, – объяснял он своим завистникам: – как она, Окся-то, там поворачивается... на восьмой сажени... Ведь это помереть надо, а она изворачивается.

Когда жилки добывалось достаточно, Тарас подходил к дудке и кричал:

– Шабаш, Окся!..

Отец и сын, впрочем, жаловались, что уж очень тяжело поднимать эту Оксю из дудки: прицепится к веревке и точно чугунная. Оксю вытаскивали из дудки всю покрытую красной приисковой глиной и мокрую по колена, но она не жаловалась на свою работу и, по обыкновению, молчала, как пень.



Огрядные работы, как и компанейские, были оставлены сплошным воровством. Причина заключалась в том, что рабочим платили за добытое золото «любую половину» его номинальной стоимости, а то и меньше. Если отрядный рабочий попадал на очень большую жилу, компания платила ему все меньше и меньше, по мере увеличения добычи. Понятно, что это вызывало утаивание добытого металла и тайную продажу его скупщикам. В Ельниках образовалось что-то вроде воровской биржи, с понижениями и повышениями. Кабатчик Пятачок являлся главным посредником и всегда выходил сух из воды.

Пока золото шло хорошо, Тарас не нуждался в сбыте его на сторону. Пятачок одобрял придуманную Тарасом систему не вырабатывать всей жилки зараз.

– Все равно деньги пропьете, – уговаривал он Тараса. – Успеете. Помаленьку-то года два пьяны будете, а зараз-то и на полгода не хватит.

– Обыкновенно, где хватит, – соглашался Тарас. – Известно, какая наша жисть. Вот лошадь завел, ворота поставили. Как же, нельзя, надо все, как у добрых людей.

– Ты избу-то выправляй, Тарас.

– Изба от нас не уйдет.

Так шло дело целую зиму. Тарас совсем опух от водки и начал даже заговариваться – "играли хмельники". Теперь он сам не ездил на свою дудку, а возила его жена в новеньких пошевнях. Подъедет Тарас к работе, вылезет из саней и подойдет.

– Окся, ты тут? – крикнет он в дудку.

– Здесь, тятенька, – из-под земли донесется знакомый голос.

– Идет жилка?

– Идет, тятенька.

– Ну, старайся, милая.

Иногда на Тараса нападало что-то вроде сомнения: зачем они, в самом-то деле, морят в забое девку? В кабаке проходу не дают Оксиной работой. Тарас пробовал даже принимать энергичные меры и накидывался на Вахрушку.

– Ты чего, лодырь, у воротка торчишь? – ругался Тарас, – Полезай в дудку.

– Полезай сам, коли охота, – грубил Вахрушка.

– Да ведь мы измаем Оксю-то! Не ровен час, еще придавит землей. Кто ее знает, как она там копается.

– Коли она дура, так я не виноват тому делу.

Однажды под пьяную руку Тарас даже подрался с Вахрушкой, но толку из этого все-таки не вышло. Ок-

ся продолжала оставаться в забое и работала там до тех пор, пока сверху ей не крикнут: «Шабаш, Окся!». Она даже позеленела от подземной работы и начала кашлять.

Вы бы хоть работника прихватили, – советовали жалостные бабы-соседки. – Измывается девка на вашем золоте.

– Работник, – удивлялся Тарас. – А Вахрушка на что? Слава богу, свой работник в дому. Да я и сам, ежели касемо што, так могу вполне соответствовать... Сам в забой пойду.

– Так и пошел! – корили бабенки. – Один у вас, у мужичков, забой: в кабаке у Пятачка проклажаться.

К весне Тарас стал замечать, что жила "изубожилась". Кварц все самый форменный, а золота прежнего не стало. Конечно, виновата глупая Окся, которая непременно упустила настоящую линию и работает в дудке черт знает как. Тарас даже решил сам спуститься и прополз по узкой норе до того места где, лежа на животе, работала Окся.

– Куда ты, дура, золото наше девала? – ругался Тарас, толкая Оксю кайлом в бок. – Понадейся на чужую работу.

– Девятая сажень, тятенька, подходит.

– Молчи, дура. Не твоего ума дело.

Золота стало попадать все меньше, а потом Вах-

рушка совсем замотался: пирует в кабаке и на работу нейдет. Пришлось Тарасу самому стать к вороту и "выхаживать" деревянную бадью с землей. Работа хоть и не тяжелая, но после целого года безделья она казалась Тарасу очень горькой. Хорошо еще, что Пятачок научил: половину золота сдавай в контору, а другую половину скупщикам – вот опять и будет та же цена. Не хотелось Тарасу вожжаться со скупщиками, но делать нечего. Старуха Акулина, и та ворчит, что денег стали мало приносить домой.

Ввиду таких стесненных обстоятельств Тарас решил поставить хоть новую избу, а то и в самом деле безо всего останешься. Сказано – сделано. Ворота уже есть. Заказал Тарас бревен мужикам, а сам принялся разворачивать свою избушку. Окся по-прежнему работала в забое, а у ворота стояла жена Вахрушки. Тарас, под предлогом постройки, являлся на дудку только поругаться с бабами. Раз, когда он приехал верхом на работу, сноха сидела без всякого дела.

– Ты это што лодырничает? – обругался Тарас.

– Да чего мне делать-то, коли Окси нет...

– Как нет?

– Да так... Видно, домой пошла, а я вот и сижу одна.

– Врешь что-нибудь...

Наклонившись к дудке, Тарас крикнул – Окся, куда ты запропастилась?.. Эй, Окся...

Ответа не последовало.

– Спит, видно, подлая... – решил Тарас. – На этих баб только надейся!

Он спустился в дудку, чтобы отлупить Оксю на все корки, но там никого не было, дудка стояла пустая.

– Ну и дура же! – удивлялся Тарас, вылезая на свет божий.

Окси и след простыл, точно она в воду канула. Пока Тарас ее разыскивал, какой-то штегер успел донести, что дудка уже на девятой сажени и пора ставить компанейские работы. Таким образом Тарас разом лишился всего: ни дудки, ни Окси, ни избушки. Оставался один кабак Пятачка.

– Куда Оксю-то дели, анафемы? – приставал целовальник, не отпускаявший теперь в долг ни на грош.

– Отстань...

Но раз Пятачок расщедрился и сам предложил Тарасу стаканчик, – счет шел под новые ворота.

– Поздравить тебя надо, Тарас, – ухмылялся Пятачок.

– С чем это?

– Окся-то закон приняла...

– Н-но-о?..

– Верно тебе говорю... В Карягиной и свадьба была. Форменное приданое себе справила да еще деньгами рублей сорок принесла. Этак-то хошь кто женит-

ся... Я бы женился, кабы знал.

– А где она деньги-то взяла, дура?

– А в ноздре, говорит, все из дудки носила... ну, и натаскала. Вот тебе и глупая Окся!..